

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 7-го Марта 1910 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ № 9932.

Скверная исторія.

Съ нѣмецкаго.

Всѣ гости ушли, и оберъ-лейтенантъ Эрихъ Вилкенсъ ушелъ съ ними. Братъ и сестра остались одни.

— Послушай, Эля, серьезно заговорилъ военный врачъ Курдловъ, — твое поведеніе мнѣ сегодня не понравилось! Будь я на мѣстѣ Эриха, я бы запретилъ тебѣ вести себя такимъ образомъ. Ты засватана, а для невѣсты не существуетъ флирта.

Докторъ Курдловъ имѣлъ право говорить такимъ образомъ; онъ былъ гораздо старше Эли и замѣтилъ ей отца и матеря.

Эля гордо закинула красивую голову.

— Кончилъ ты, наконецъ, Эйженъ? Ты все еще не можешь привыкнуть къ мысли, что я больше не ребенокъ! Позволь, мнѣ, пожалуйста, самой отвѣтить за свои поступки! Замѣтилъ его недовольство, она измѣнила тонъ:

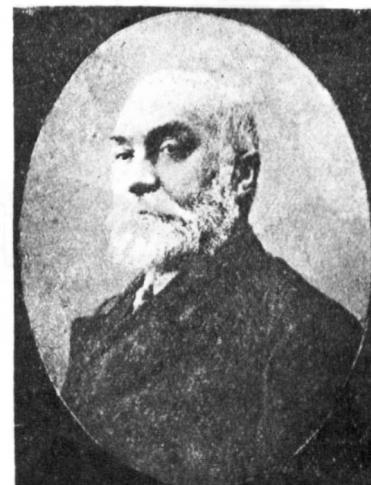
— Эйженъ, я вовсе не такая злая, какъ ты представляешь себѣ! Вѣдь, я такъ люблю Эриха. Но меня немногого сердило то, что онъ всегда такой спокойный, разумный, разсудительный и ни капельки не горячъ, не страстенъ, словомъ, — она весело и задорно улыбнулась, — я хотѣла убѣдиться, умѣеть ли онъ быть хоть бы немного ревнивымъ.

Докторъ, стоявшій все время у окна, быстро обернулся.— Эля, ты затѣяла скверную игру! Эрихъ слишкомъ серьезно смотрѣть на вещи! Это мнѣ и нравится въ немъ, его серьезность, его глубокая натура! Я его считаю порядочнымъ человѣкомъ, но думаю, что такими вещами съ нимъ шутить нельзя! Не замѣтила ты, какой у него былъ видъ, когда онъ ушелъ? Онъ произвелъ на меня нехорошее впечатлѣніе.

Эля громко расхохоталась.

— О, это великолѣпно, онъ былъ, дѣйствительно, ревнивъ! Ахъ, Эйженъ, ты старый, черствый холостякъ, что ты понимаешь въ любви! Когда Эрихъ завтра придетъ, я извинюсь предъ нимъ, и все опять пойдетъ по прежнему! Успокойся, Эйженъ, я сдѣлала опытъ, и больше это не повторится!.. Въ самомъ хорошемъ настроеніи духа она сѣла за рояль и сыграла веселую пѣсенку.

Эля плохо спала ночь, ей снились страшные сны. Она перегнулась черезъ окно. Онъ все еще не приходитъ, а часы уже пробили одиннадцать! Онъ никогда еще не былъ такимъ неаккуратнымъ, къ тому еще въ воскресенье, когда онъ совершилъ свободенъ! Наконецъ-то, форменная шинель! Но нѣтъ, это не онъ, а его денщикъ, направляющійся къ ихъ дому. Ея сердце вдругъ болѣзnenно скжалось. Почему его самого нѣтъ, зачѣмъ онъ прислалъ денщика? Она вспомнила слова брата...

В. Ф. Левицкій.

Профессоръ Харьковскаго университета. По случаю 25-лѣтія его ученопедагогической дѣятельности.

М. В. Даневиль.

Артистъ и писатель, помѣшившій свои разсказы и въ „Южн. Край“. Скончался въ Петербургѣ въ ночь на 19 февраля.

Нѣсколько минутъ спустя Эля взволнованно и вся блѣдная вошла въ кабинетъ брата.

— Эйженъ, онъ не можетъ прийти, ему нездоровится.

Врачъ казался недовольнымъ, что ему помѣшили.

— Что жъ тутъ такого, это можетъ случиться со всяkimъ!

— Но денщикъ не знаетъ, что съ нимъ. И денщикъ выглядитъ такимъ озабоченнымъ и ведетъ себя такъ странно.

Врачъ теперь только поднялъ голову отъ своихъ бумагъ и серьезно поглядѣлъ на молодую дѣвушку.

— Видишь! возразилъ онъ.

— Пожалуйста, Эйженъ, помоги, прошу тебя! проговорила она умоляюще.

Врачъ открылъ дверь.— Иванъ! позвалъ онъ громко.

Иванъ, полный, добродушный парень, на которомъ туго сидѣла форменная блузка, тяжело переступилъ порогъ и шумно отдалъ честь. Лицо простодушного парня, дѣйствительно, выражало озабоченность и беспокойство.

— Въ чемъ дѣло, Иванъ? спросилъ Курдловъ.

— Не знаю, ваше благородіе! нехочется отвѣтить денщикъ.

— Расскажи!

Но денщикъ мялся; онъ хотѣлъ что то сказать, но не произнесъ ни слова.

— Расскажи! Слышишь? повторилъ Курдловъ на этотъ разъ такъ громко, будто разговаривалъ съ глухимъ.

Денщикъ вздрогнулъ, потомъ встрепенулся и сталъ рассказывать; сначала медленно, потомъ все плавнѣе и искреннѣе. Когда господинъ лейтенантъ пришелъ вчера вечеромъ домой, онъ не былъ такъ расположенъ и въ духѣ, какъ всегда! Онъ скоро пошелъ спать, но не спалъ, всю ночь не спалъ! Онъ, Иванъ, видѣлъ, какъ всю ночь горѣла лампа въ спальнѣ его господина, онъ поэтому самъ не смыкалъ глазъ. Онъ все время слышалъ, какъ лейтенантъ тихо ругался, потомъ стоналъ, мучительно стоналъ!

Курдловъ бросилъ многозначительный взглядъ своей легкомысленной сестрѣ. Маленькая, блѣдная грѣшица дрожала.

Сегодня утромъ, продолжалъ денщикъ, его благородіе господинъ лейтенантъ сидѣлъ въ креслѣ около письменного стола, склонивъ голову на руки. Къ завтраку онъ и не прикоснулся. Четверть часа тому назадъ господинъ лейтенантъ позвалъ его, Ивана, и велѣлъ извѣстить барышню, что онъ чувствуетъ себя нехорошо, и поэтому не придетъ. Онъ заперся и даль приказъ никою не пускать къ нему.

Докторъ качалъ головой.

— А врача онъ не требовалъ? Онъ не велѣлъ позвать меня?

— Нѣтъ, ваше благородіе.

— Можешь идти, Иванъ!

Но Иванъ не уходилъ. Онъ, казалось, хотѣлъ что-то сказать, но не рѣшился.

Курдловъ это замѣтилъ.

— Что еще? настаивалъ онъ. Выкладывай!

Господинъ лейтенантъ отперъ письменный столъ, вынулъ оттуда маленькую бутылочку, долго смотрѣлъ на нее, а когда онъ ее откупорилъ, пахло очень остро...

Врачъ вздрогнулъ.— Какъ оно пахло? быстро спросилъ онъ.

Иванъ смущился. Онъ открылъ ротъ, но не произнесъ ни слова.

— Пахло оно, какъ салміакъ или какъ горький миндаль... или, какъ аммоніакъ, продолжалъ скороговоркой врачъ. Отвѣтай же!

Лицо денщика просияло.

— Оно пахло, ваше благородіе, какъ горький миндаль, произнесъ онъ, наконецъ, съ большой увѣренностью.

Курдовъ прошелся по комнатѣ.
— Можешь идти, Иванъ! приказалъ онъ. Казалось, будто его загорѣло лицо немногого поблѣдѣло.

Онъ снялъ со стѣны фуражку и привязалъ саблю.
Эля съ волненіемъ слѣдила за братомъ.

— Ты идешь къ Эриху? Ты беспокойшись?

Курдовъ поглядѣлъ на сестру со страннымъ выраженіемъ.

— Острый запахъ горѣкаго миндаля не оставляетъ сомнѣнія, что въ стеклянкѣ синильная кислота!

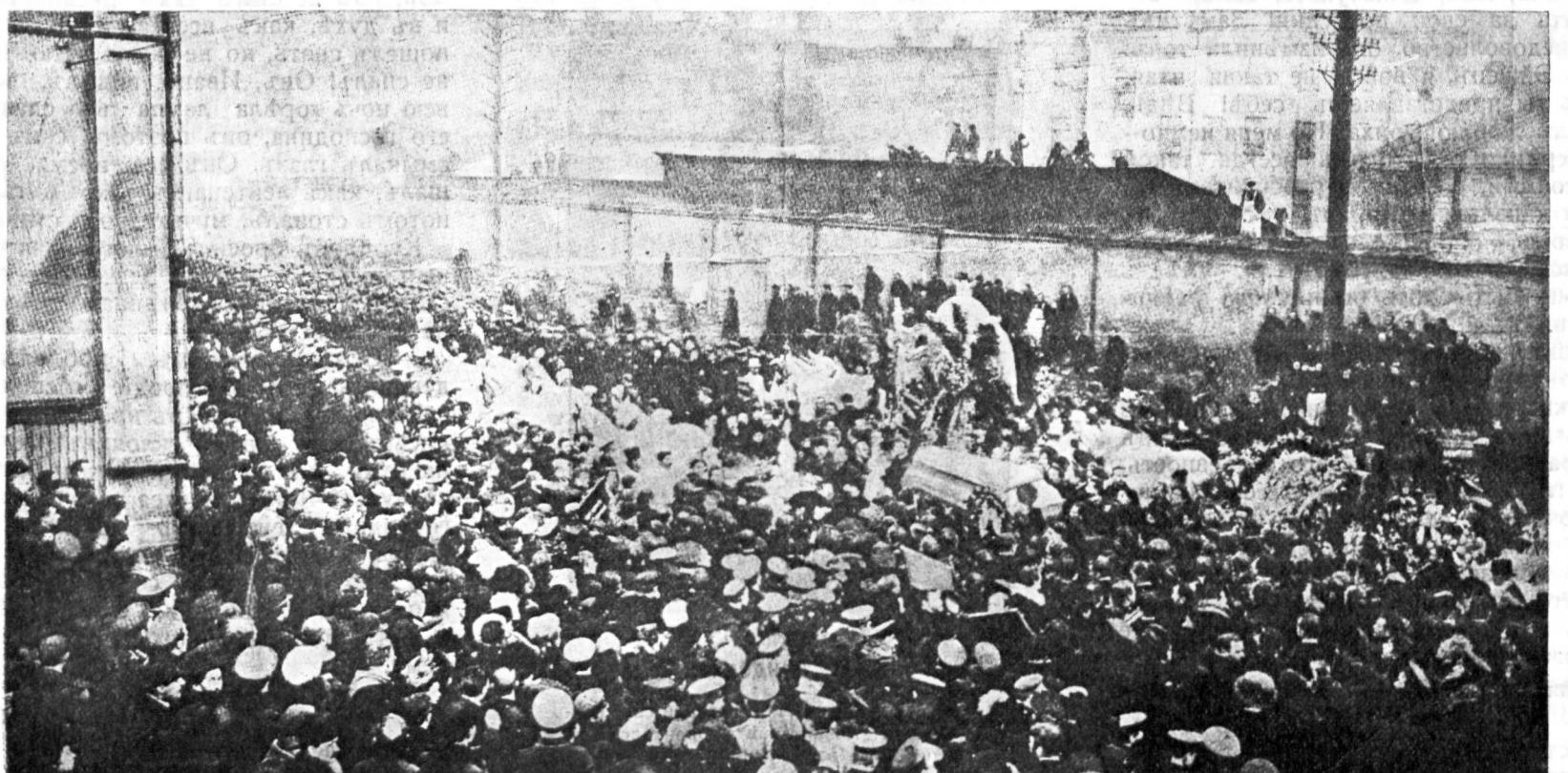
Эля испустила крикъ ужаса. Она съ отчаяніемъ бросилась къ брату.—Бери меня съ собой! Я хочу къ нему; ты одинъ не пойдешь туда! умоляла она.

Четверть часа спустя всѣ трое стояли въ передней обер-лейтенанта Вилкенса. Денщикъ подкрался къ дверямъ кабинета и постучалъ, сначала тихо, потомъ все громче и громче. Нѣтъ отвѣта! То была ужасная минута! Врачъ стиснулъ зубы, а Эля почти въ обморокѣ опиралась на стоявшій около нея столикъ.

Курдовъ подошелъ къ дверямъ и грубо отстранилъ денщика. Онъ постучалъ въ дверь.

М. Н. Тарновская.
Къ ея процессу въ Венеции.

Похороны В. Ф. Комиссаржевской.

Траурная процессія въ Петербургѣ, направляющаяся съ Николаевскаго вокзала въ Александро-Невскую лавру.

— Эрихъ, открои! крикнулъ онъ громко.

Мертвая тишина царила въ передней, внутри также не слышно было ни шороха.

— Позвать мнѣ кузнеца? тихо спросилъ денщикъ, и слезы покатились по его толстымъ щекамъ.

Врачъ не далъ ему отвѣта. Онъ взялся за ручку дверей и потрясъ ее. Дверь открылась, она была не заперта. Темная, заспанная фигура поднялась съ дивана.—Что случилось?... послышалась голосъ лейтенанта, но больше онъ не могъ продолжать. Стойкая, гибкая дѣвушка бросилась къ нему и обвила его шею руками.—Онъ живъ, онъ живъ! воскликнула Эля радостно.

Эрихъ былъ растроганъ.—Но, Эля, воскликнулъ онъ, чего же мнѣ не жить? Отъ зубной боли не умираютъ. Зубы действительно невыносимо болѣютъ всю ночь, и я не смыкаю глазъ, но теперь мнѣ гораздо лучше. Погляди-ка на меня, но не пугайся! Съ этой распухшей щекой я не могу явиться къ тебѣ, моя дорогая! Ты смѣялась надо мнѣ...

Докторъ Курдовъ стоялъ между тѣмъ у письменного стола и внимательно разматривалъ стеклянку.—«Dentilla!», капли противъ зубной боли!—Онъ вышелъ въ переднюю. Денщикъ впускалъ большихъ размѣровъ носовой платокъ въ бездонный карманъ своихъ брюкъ. На его добродушномъ лицѣ еще видны были слѣды слезъ.

— Иванъ, обратился къ нему врачъ, ты слышалъ когда-нибудь запахъ горькаго миндаля?
— Нѣтъ, ваше благородіе!
— Ты дур-ракъ!
— Такъ точно, ваше благородіе!

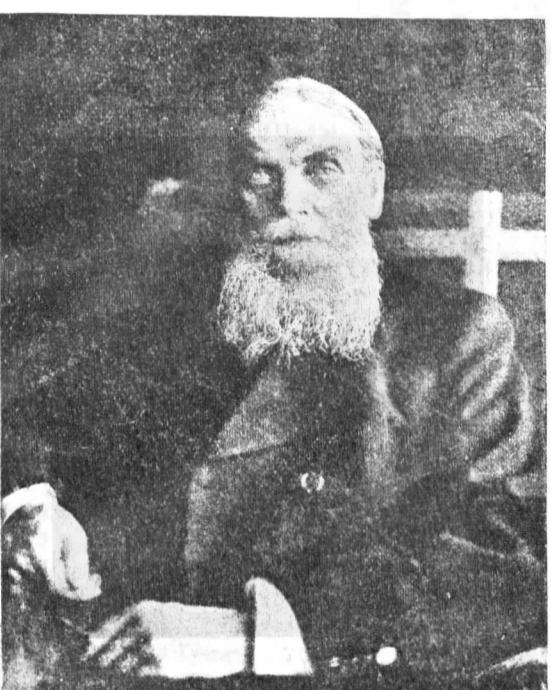
Какъ отзывался А. П. Чеховъ объ игрѣ В. Ф. Комиссаржевской.

Въ только что вышедшемъ еженедѣльномъ журнале „Солнце Россіи“ помѣщены интересныя воспоминанія Е. П. Карпова о А. П. Чеховѣ. Авторъ воспоминаній, режиссировавшій чеховскую „Чайку“ на сценѣ Александринскаго театра, разсказываетъ о томъ, какъ Чеховъ „принималъ“ игру актеровъ и актрисъ, участвовавшихъ въ „Чайкѣ“. Послѣ одной изъ репетицій Е. П. Карповъ спросилъ Чехова:

— Что скажете, Антонъ Павловичъ?

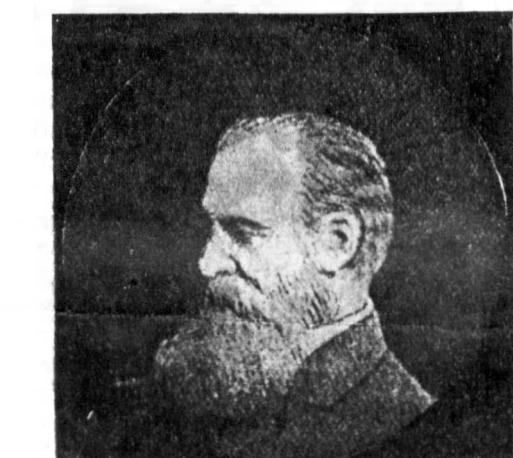
— Ничего... Только играютъ они много... Игры бы поменьше... Давыдовъ безподобенъ будѣтъ и Варламовъ хорошъ...

— А Вѣра Федоровна какъ?...

Графъ Гансъ фонъ Шверинъ-Ловицъ.

Новый президентъ германского рейхстага.

Н. В. Чайковскій.

Извѣстный семидесятникъ, недавно оправданный въ Петербургскомъ судѣ.

относился къ черной работе артистовъ на репетиціяхъ и страшно волновался.

Наконецъ, наступилъ день первого представленія „Чайки“. Вотъ какъ рассказываетъ объ этомъ Е. Карповъ:

На первое представление „Чайки“ собралась публика юбиларная, комической актрисы Е. И. Левкѣвой, въ бенефисъ которой шла „Чайка“.

Пришли господа посмѣяться, повеселиться...

И „Чайка“ ей показалась веселой комедіей, если не фарсомъ.

Они все принимали въ смѣшную сторону. Весь первый актъ, почти до конца, стоялъ глупый, жирный хохотъ.

Пропало настроение артистовъ. Пропали полутоны, пропали итонаціи. Пропало творчество. Пропала пьеса!

— Что же это за ужасъ!.. Я провалила роль... Чему они смѣются?!.. Ми страшно выходить на сцену... со слезами на глазахъ, взволнованная, нервно дрожа всѣмъ тѣломъ, бросилась ко мнѣ В. Ф. Комиссаржевская, послѣ первого акта.

Я успокоилъ ее, увѣряя, что она превосходно играетъ.

Антонъ Павловичъ, блѣдный, растянутый, ходилъ за кулисами, покусы-

валъ свою бородку и, видимо, никого не замѣчая и ничего не понимая. Онъ иногда останавливался у кулисъ, прислушивался къ тому, что говорятъ на сценѣ. И при взрывѣ хохота въ залѣ пугливо шарахался, убѣгая ко мнѣ въ кабинетъ или въ уборную Левкѣвой.

Въ срединѣ четвертаго дѣйствія, Антонъ Павловичъ вошелъ ко мнѣ въ кабинетъ, съ застывшей, безмыслиемъ улыбкой на посинѣвшихъ губахъ, и хрюплымъ, тусклымъ, какимъ то задавленнымъ голосомъ сказалъ:—Авторъ провалился.

Беседая публика загубила, провалила „Чайку“.

Новое о Жоржѣ-Зандѣ и Шопенѣ.

Десять лѣтъ длилась сказка любви Шопена и Жоржѣ-Зандѣ, но всѣмъ биографамъ геніального „Рафаэля фортепіано“ приходилось констатировать вполнѣ отсутствіе переписки между этими двумя личностями исключительно одаренія.

О гь всей переписки остались два письма, вращающіяся въ кругу обыденности и не освѣщающія ни однимъ лучомъ свѣта той единственной въ своемъ родѣ любви, закончившейся вслѣдствіемъ трагическимъ разрывомъ.

Въ юбилейномъ номерѣ „Курьера Варшавскаго“ лучшій біографъ Шопена, Фердинандъ Гесикъ, разсказываетъ исторію таинственного исчезновенія этой переписки. Исторія, разсказанная г. Гесикомъ, кстати сказать, не лишила интереса для русскаго читателя, такъ какъ въ ней воспроизведенъ клочекъ патріархальной русской старины.

Дѣло обстояло слѣдующимъ образомъ. Сестра Шопена, г.-жа Ендржеевичъ, послѣ смерти геніального брата первымъ дѣломъ озабочилась приведеніемъ въ порядокъ всей переписки между Шопеномъ и Зандѣ, состоявшей изъ двухсотъ писемъ. Но на обратномъ пути въ Россію она натолкнулась на неожиданный камень преткновенія.

Зоркая николаевская жандармерія не пропустила написанныхъ на иностраннѣ языкахъ писемъ, и послѣднія, пройдя черезъ цѣлый рядъ инстанцій, попали въ руки начальника пограничного жандармскаго управлѣнія.

Годъ съ лишнимъ пролежали въ жандармскомъ архивѣ эти письма, въ которыхъ отпечатались всѣ этапы бурной, исполненной захватывающаго драматизма любви. И если бы не

Венизелосъ.

Глава критскаго населенія, вызвавшій династическую кризисъ въ Греции.

Тибетскій Далай-Лама.

Дюма обратился къ жандармскому ротмистру съ просьбой дать ему какую-нибудь французскую книгу. Ротмистръ, большой поклонникъ автора „Трехъ мушкетеровъ“, приходившаго роднымъ отцомъ молодому французу, изобразилъ на своемъ лицѣ верхъ любезной готовности и принесъ Дюму письма Ж. Зандѣ къ Шопену.

Кончились дѣло тѣмъ, что Дюма не

заключилъ

разстатья съ письмами,

произведшими

на него ошеломляющее впечатлѣніе,

и выпросилъ ихъ у старого служаки.

По возвращеніи въ Парижъ, Дюма

принялся за болѣе обстоятельное изученіе писемъ, среди которыхъ бы

ли настоящіе шедевры эпистолярного

искусства.

Много-много жуткихъ минутъ доста-

вилъ Дюма это своеобразное чтеніе,

нежданно пукомъ яркаго свѣта освѣ-

тившее

сложнѣйшую драму бурной любви,

то замиравшей подъ налетами

мгновенной усталости,

то прорывав-

шейся ослѣпительными вспышками.

Но вдругъ передъ Дюма встала во-

просьба, имѣть ли онъ нравственное

право держать у себя интимныя пись-

ма Жоржѣ-Зандѣ. Знаменитая писа-

КЪ ГАСТРОЛЯМЪ ВЪ ОПЕРНОМЪ ТЕАТРЪ.

СМѢСЬ.

Искусство воровства въ Японіи.

Въ одной изъ послѣднихъ книжекъ „Revue“ помѣщена интересная статья Банземона объ организаціи воровства въ Японіи. Энергичные во всемъ, за что они ни принимаются, японцы и въ этомъ отношеніи дошли до высокой степени совершенства. Японскіе воры — виртуозы своего ремесла. Это не мудрено, если принять во вниманіе, что подготовка начинается чуть не съ колыбели ломаніемъ рукъ, гибкость которыхъ такъ важна для воровской профессіи. Съ десятилѣтняго возраста уже отдаются мальчиковъ въ обученіе специалистамъ. Не всякаго принимаютъ. Надо, чтобы мальчики успѣли обнаружить извѣстныя способности дома или въ школѣ. Обученіе происходитъ по всѣмъ правиламъ искусства. Воспитанники совершаются въ искусствѣ залѣзть въ карманы и проникать въ дома, упражняются въ атлетическихъ пріемахъ и фехтованіи въ интересахъ развитія мускуловъ и подвергаются даже по временамъ легкимъ пыткамъ, чтобы пріучиться переносить боль. Когда учениковъ считаютъ достаточно подготовленными, ихъ выпускаютъ на первую практику, для чего избираютъ обыкновенно большое собраніе или народный праздникъ на открытомъ воздухѣ. Если дебютанты возвращаются съ добычей, ихъ поощряютъ похвалами и подарками. Если же они попадаются, то ихъ предоставляютъ своей судьбѣ, считая, что цѣннаго материала для дѣла они не представляютъ. Такъ въ Японіи формируется армія чрезвычайно искусныхъ воровъ.

Когда способности ученика болѣе или менѣе выяснились, ему назначаютъ опредѣленный кругъ дѣйствій, превращающихъ его мало-по-малу въ специалиста. Одинъ работаетъ только на улицахъ, другой—только въ театрахъ, специальность третьяго—магазины, четвертаго — пароходы, пятаго—желѣзныя дороги. Послѣдніе считаются самыми ловкими. Какъ-то въ экспрессѣ, шедшемъ въ Токіо, между пассажирами зашла рѣчь о воровствѣ въ вагонахъ. Присутствовавшій тутъ же извѣстный японскій адвокатъ замѣтилъ, что обворовываются только тѣхъ, которые не умѣютъ или не желаютъ быть осмотрительными. У него лично, напримѣръ, ни разу въ жизни ничего не украли. Сходя съ поѣзда, адвокатъ обнаружилъ, что у него спрѣзана сумка съ деньгами. Поиски полиціи ни къ чему ни привели. Пріѣхавъ домой, онъ нашелъ тамъ уже свою сумку съ краткой запиской: „Не разсуждайте никогда о томъ, чего не знаете. Великодушный воръ“.

До послѣдняго времени японская полиція была въ довольно хорошихъ отношеніяхъ съ ворами. Кражи большей частью оставались нераскрытыми и развѣ иногда, для отвода глазъ, разыскивали украденное. Связывали ли полицію выгоды, чувствовала ли она свое безсиліе, но, во всякомъ случаѣ, подвиги воровъ оставались безнаказанными, и дерзость ихъ сдѣлалась

Эмма Лонги.

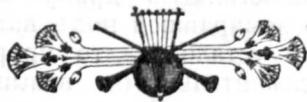

Романо Распони.

тельница въ это время пребывала въ Ноганъ, гдѣ ее и застало письмо Дюма съ неожиданной вѣстью о цѣнной находкѣ.

„Если у васъ достало терпѣнія прочитать весь этотъ дѣтскій вздоръ, то вы поняли всю глубину материнской нѣжности, освѣщавшей девять лѣтъ моей жизни“, — такъ начиналось отвѣтное письмо Жоржъ-Зандъ къ Дюма.

Нѣсколько времени спустя Жоржъ-Зандъ возвратилась въ Парижъ и не замедлила пригласить къ себѣ Дюма. Дюма вручилъ ей цѣнный пакетъ. Жоржъ-Зандъ быстро подошла къ камину и кинула всѣ письма въ огонь. Пламя зашипѣло съ удвоенной силой, и вскорѣ лишь горсточка пепла осталась отъ этихъ писемъ, которыя могли повѣдать потомству много нового о жизни двухъ наиболѣе выпуклыхъ представителей красноречия и интересной эпохи умершаго уже романтизма.

Линда Микуччи.

Филиппо д'Оттави.

серъезною угрозою общественной безопасности. Послѣ одного особенно дерзкаго воровства въ дѣло вмѣшался микадо. Онъ смѣстилъ прежняго начальника полиціи и назначилъ новаго, который съ безпощадной энергией взялся за преслѣдованіе воровъ. Прежде всего онъ арестовалъ прославленного „Гинги-портного“, короля воровъ въ Токіо, на котораго до сихъ поръ полиція не осмѣшивалась налагать руку. Тутъ-то и выяснилось, какою сплоченою организаціей объединены воры. Токіо оказался раздѣленнымъ на кварталы, въ каждомъ изъ которыхъ работали назначенные для этого люди. Всѣ они находились въ строгомъ подчиненіи у Гинги-портнаго, принося ему добычу и повинуясь малѣйшему его слову. Никому и въ голову не приходило работать за собственный счетъ. Общіе интересы — на первомъ планѣ, собственная личность — на послѣднемъ. Такъ что и въ воровской профессіи проявилась та основная национальная черта, которая такъ ярко сказалась у японцевъ во время войны и сдѣлала ихъ побѣдителями.

